

Строители склонились перед господином замка и доложили, что их работа завершена. Но тот ответил, что цитадель все еще чересчур уязвима, ведь враги его могучи и многочисленны. И повелел он строителям вбить железные кольца в камень стен, обращенных к четырем сторонам света, и выбрал четырех сильнейших воинов, чтобы упрочить укрепления их жизнями. Каждого из них приковали к одному из колец, и было им приказано следить за разбойниками, которые могли показаться отовсюду с раскинувшихся вокруг просторов. Каждый час раздавался колокольный звон, подтверждающий, что воины не спят, и никому не позволялось говорить с ними, чтобы не отвлекать их от выполнения долга. С пылающей осени и до суровой зимы стояли они четверо на страже, без укрытия, без поддержки и без отдыха, зная, что и после того, как глаза и уши откажут им, крепость господина защитят их верность и честь. И, даже умерев, они так и остались там, пока их прах не впитался в камень и известь. Их называют Стражами цитадели и говорят, что они по-прежнему защищают ее, а изображение четырех колец Стражей стало гербом Комигора. Должно быть, эти четверо и в самом деле были могучими воинами, поскольку ни разу за шесть сотен лет Комигор не покорился врагу.

История и легенды Комигора

ГЛАВА 1

СЕЙРИ

Мой кучер в третий раз позвонил в колокольчик. Вне всяких сомнений, замок был погружен в траур. На приземистых башнях рядом с герцогским вымпелом развевались черные стяги. Строгий фасад надвратной башни, лишь у самой вершины прорезанный высокими, узкими застекленными окнами, был убран миртовыми ветками, увитыми и перевязанными лентами из крепа. Однако, несмотря на подобные следы чьей-то деятельности, можно было подумать, что вместе с герцогом вымерла и вся замковая челядь.

Наконец, спустя почти четверть часа после того, как мы въехали через неохраняемые ворота, одна из массивных створок медленно отворилась. Раскрасневшаяся служанка с кувшином для воды на плече отчаянно замахала нам свободной рукой и исчезла в доме, оставив дверь приоткрытой.

Ренальд торопливо вернулся через двор к экипажу, почесывая в затылке.

— Девушка говорит, вам следует подняться прямо в покои хозяйки. Она даже не спросила, кто мы такие.

— Откуда они могли узнать, что я приеду сегодня?

Не дожидаясь, пока Ренальд подаст руку, я вышла из кареты и указала ему на кухонную пристройку, где он мог

отдохнуть и, возможно, разжиться толикой слухов. Сама же я взбежала по широким ступеням. Прошло тринадцать лет с тех пор, как меня изгнали из этого дома...

Леденящий душу вопль, донесшийся с верхнего этажа, прервал мои воспоминания, а заодно и размышления о том, почему в воротах богатого дома, чей хозяин недавно скончался, отсутствует надлежащая стража. Я торопливо направилась по мозаичным полам надвратной башни, затем вверх по главной лестнице и, наконец, через анфиладу двустворчатых дверей, которая вела к роскошной опочивальне, откуда и раздавался звук.

Эта комната была просторнее, чем большинство сумрачных помещений старой крепости. Когда-то она принадлежала моей матери. Теперь ее было не узнать. Изящную мебель в валлеорском стиле сменили неуклюжие массивные столы темного дерева, вычурные позолоченные стулья и тяжеловесные резные скамьи, «для удобства» снабженные тощими бархатными подушками. На возвышении стояла кровать, столбики которой едва не достигали оштукатуренного потолка. Тяжелые красные гардины скрывали окна, не пропуская ни солнечный свет, ни мягкую свежесть осеннего утра, а в камине ревел пламя. Все это делало комнату душной, темной и одуряюще-жаркой.

В помещении царил сумбур. Седовласая женщина, облаченная в черный атлас, нависала над постелью, раздавая бесполезные указания целому воинству горничных в черных платьях и белых чепцах. Девицы метались взад и вперед с тазами, полотенцами, подушками и нюхательными солями, пока крики из-за шитых золотом занавесей балдахина не утихли до жалобного хныканья, прерываемого громкими всхлипами. Женщина с тревогой взглянула на меня:

— Ну и где же доктор?

— Понятия не имею ни о каком докторе. Я приехала с визитом к герцогине и юному герцогу. Что здесь происходит?

С постели снова раздался скорбный вопль.

— Как, разве с вами нет доктора?

Старуха произнесла это так, словно была уверена, что я ошибаюсь, или же вменяла мне в вину несоответствие ее ожиданиям.

— Нет, но, может быть, я могла бы вам чем-нибудь помочь?

— Рен Вэсли приехал, тетушка? — спросил голос с кровати. — Клянусь, я уже не в силах дышать!

Мне пришло в голову, что если дело в дыхании, то разумное применение дымовой заслонки и короткая схватка с железными ставнями могут существенно улучшить состояние больной.

— Эта чужачка, моя милая, пробралась сюда без дозволения, словно воровка. Она утверждает, что пришла увидеться с тобой и юным герцогом. Но доктора с ней нет.

Женщина в черном погрозила мне костлявым пальцем:

— Вам здесь нечего делать, сударыня. Подите вон, или я позову стражу!

— Я умру раньше, чем он приедет, тетушка! Угасну в окружении лишь тебя, слуг и этой воровки! Скончаюсь в этом убогом доме, и что же тогда станется с Гериком?

Старуха просунула голову меж занавесей кровати:

— Сейчас, сейчас, дитя мое. Вполне вероятно, что ты умрешь, но я все время буду рядом с тобой.

— Да где же этот проклятый доктор! И где эта окаянная Делси, которая должна была принести мне бренди!

Я прошла сквозь стайку трепещущих служанок, приблизилась к краю кровати и заглянула поверх плеча старухи. Она промокала полотенцем лоб круглолицей молодой женщины. Пышный белый пеньюар придавал той сходство с гигантской курицей, восседающей в гнезде из таких огромных подушек, что, должно быть, целый выводок гусей пожертвовал ради них своим оперением. Длинные светлые волосы были собраны на макушке, непослушные локоны

раскинулись вокруг ее розовых, исчерченных слезами щек. Ничто из увиденного мною не вязалось с предсказаниями скорого конца, хотя тонкое красное покрывало и не могло скрыть, что жена моего брата ждала ребенка. Сомневаюсь, что Томас успел об этом узнать.

Я раздвинула занавеси чуть шире.

— Прости за неожиданное вторжение, Филомена. Услышав твой зов, я сразу поднялась наверх. Могу ли я чем-нибудь помочь?

— Луна Джеррата!

Молодая женщина отложила носовой платок и уставилась на меня огромными зелеными глазами, от удивления забыв обо всех своих страданиях. Мы с братом были очень похожи. Да и она видела меня довольно часто.

Наша долгая размолвка с братом не позволяла мне познакомиться с его женой. Однако в течение десяти лет моего изгнания после казни мужа, когда я была вынуждена ежегодно являться перед королем и его свитой, чтобы получить новое дозволение, продлевавшее мне жизнь, мы регулярно виделись с Филоменой. Каждый раз во время этого ритуального унижения моя хихикающая невестка пользовалась открытым допросом, чтобы задавать самые грубые и личные вопросы.

Напомнив себе, что я прибыла в Комигор ради племянника, а не Филомены, я произнесла:

— Я дала слово. Я обещала Томасу приехать. Ты больна?

— Кто эта женщина, дитя мое? — нахмурившись, встряла старуха в черном. — Что за дерзкая особа беспокоит бедную вдову, столь близкую к смерти?

— Для начала, я не воровка и уж совершенно точно не чужая этому дому, — ответила я.

И уж какой-какой, а умирающей больная не выглядела. Впрочем, я не стала говорить это вслух, чтобы не раздражать лишний раз обеих дам.

Филомена оттопырила розовую губку. Слезы лились по ее щекам, хотя и оставалось загадкой, какие же чувства были тому причиной.

— Томас обещал, что не проиграет ни одного поединка и не бросит меня одну в этом отвратительном месте. Плохо, конечно, что его никогда не бывало рядом, но, по крайней мере, он забрал бы меня на зиму в Монтевиаль. А сейчас мне так плохо, и к тому же я могу умереть! Когда все закончится, уже почти настанет весна, я стану толстой и страшной, и двор меня позабудет. Будь он проклят, этот Томас!

От каждого всхлипа, сотрясавшего Филомену, щебечущие горничные вспархивали, как стая пичуг, всполошенных подкравшимся котом.

— О, моя дорогая девочка! — ворковала пожилая дама, поглаживая покрывало. — Ты должна успокоиться, иначе ребенок окажется уродцем, даже если тебе удастся выносить его положенный срок.

Филомена застонала. Половина служанок взвыла в унисон с хозяйкой.

Не из приязни или сочувствия я приняла бразды правления в свои руки, но лишь из чистой расчетливости. Если мне не удастся разумно побеседовать с Филоменой, то я не смогу исполнить обещанное и вернуться к собственным делам.

Я должна была — и хотела — рассказать жене и сыну Томаса, что он погиб с честью, как и подобает герцогу Комигора, Защитнику Лейрана, лучшему фехтовальщику Четырех королевств. Уже не важно, что он и не мог победить в схватке, стоившей ему жизни, что он оказался пешкой в чужой игре, куда более серьезной, чем вызов какого-то мелкого бунтовщика его королю, не важно, что его руки были в крови тех, кого я любила больше всего на свете. В конце концов, освободившись от власти безумия, он попросил у меня прощения и его последние мысли были о сыне. Я пообещала Томасу рассказать мальчику об этом. Каким-то

образом — я не до конца понимала, каким именно, — чары, разрушившие жизнь моего брата, были на моей совести, и мне хотелось верить, что, исполнив его последнюю волю, я в некоторой мере искуплю вину за случившееся с ним.

— Послушайте-ка, сударыня, — сказала я старухе, отводя ее от кровати. — Эта суета не идет на пользу вашей племяннице. Да и сами вы выглядите измученной. Я родственница покойного герцога — то есть родня Филомене, как и вы, — и я была бы счастлива присмотреть за ее светлостью, пока вы отдыхаете. Вы должны беречь себя ради ее блага, разве нет? Отправляйтесь на часок в свои покои. Обещаю, при малейших затруднениях я пошлю за вами.

— Зачем?.. Я никогда... Кто вы такая?..

Я поймала за руку пробежавшую мимо служанку и велела ей препроводить тетюшку Филомены в ее покои, сесть снаружи у входа и исполнять любые ее капризы.

Затем я отправила суетящихся служанок прочь из комнаты: одну — варить бульон, с наказом принести его, только когда я попрошу, другую — протирать всю стеклянную посуду в доме, на случай если доктору что-нибудь потребуется, третью — за чистым холстом, в котором тоже могла возникнуть нужда. Одну-единственную тихоню по имени Нэнси оставила при себе. Я попросила ее повесить мой плащ, открыть окно и не подпускать прочую прислугу к спальне, чтобы госпожа могла отдохнуть.

После этого я придвинула стул к широкому ложу и принялась ждать.

Не было ничего удивительного в том, что с Филоменой оказалось так непросто иметь дело. Ее отец был канцлером Лейрана. Брак по расчету из политических соображений вынудил Филомену поселиться в столь отдаленном от королевского двора месте, как Комигор, а для изнеженной молодой особы, выросшей среди дворцовых интриг и столичных скандалов, это было подобно медленной смерти.

Довольно скоро стоны стихли. Герцогиня прерывисто вздохнула и огляделась.

— Куда все делись?

Она шмыгнула носом и моргнула.

— Я объяснила им, что их наипервейший долг — служить тебе, а заняться этим они могут, освободив комнату, чтобы ты могла дышать. А теперь расскажи, в чем дело. Ты ведь не рожаяешь, и не похоже, что скоро соберешься.

Филомена снова взвыла. Служанка вскинулась со стула у двери, но я жестом велела ей оставаться на месте, а затем сложила руки на коленях.

Стон прервался икотой. Герцогиня промокнула глаза.

— Это ужасно. Видишь ли, если б я выносила остальных... Доктор велел мне оставаться в постели, иначе я потеряю и этого. Так страдать от этих проклятых родов, а они все оказываются мертвыми... кроме Герика, разумеется, дорогого моего... Хотя он, конечно, не так нежен, как можно было бы пожелать, совершенно не интересуется тем, чем должен, да еще этот его гадкий характер... Доктор Рен Вэсли велит мне лежать, и тетя Вералли говорит, он, должно быть, считает, что я тоже умру... А сегодня я проснулась с ужасной болью в спине и поняла: конец уже близко.

— А! Теперь понятно. Скольких детей ты потеряла?

— Двоих. Оба родились мертвыми.

Я протянула ей вышитый платочек из стопки у кровати. Филомена высморкалась.

— Так ужасно терять ребенка при рождении.

Герцогиня быстро взглянула на меня, как будто только что поняла, кто же сидит перед ней, и быстро натянула атласное покрывало до самого подбородка.

— Я не собираюсь ничем тебе вредить, Филомена. В том, что сделал Томас, он и сам виновен только отчасти. И разумеется, я не считаю ни тебя, ни твоего сына ответственными за его поступки.

Несколько месяцев назад, еще до того, как Томас освободился от своей разрушительной слепоты, он просил меня приехать в Комигор, надеясь, что я смогу защитить его сына от какого-то неназываемого зла. Тогда я ответила ему отказом. Я не видела причин принимать во внимание опасения человека, спокойно смотревшего, как пытаются моего мужа лишь за то, что тот родился чародеем. Я не видела причин заботиться о сыне того, кто перерезал горло моего новорожденного ребенка, чтобы тот не унаследовал магический дар отца.

Как Томас мог жить с тем, что сотворил? Безумие, навязание — мне оставалось только верить в это, иначе я не смогла бы его простить.

Филомена потупила взгляд.

— Люди Томаса привезли твое послание вместе с известием о его смерти. Я думала, ты пытаешься меня запугать.

— Давай не будем об этом сейчас. Я уверена, доктор велел тебе лежать ради здоровья ребенка, а не из-за угрозы тебе самой. Спина же, возможно, болит из-за того, что у тебя здесь столько подушек, и вдобавок неудобно сложенных.

Я потянулась к подушкам Филомены и убрала добрую их половину. Остальные же расположила так, чтобы она могла легко менять позу без риска быть задушенной.

Принесенное Нэнси теплое полотенце я свернула валиком и засунула под спину Филомены.

— О, так намного лучше!

— Прекрасно. Нэнси может менять полотенце так часто, как ты пожелаешь. А теперь тебе надо отдохнуть. Когда проснешься, я расскажу тебе и твоему сыну о Томасе то, ради чего я приехала.

— Это его не вернет, — сказала Филомена, устраиваясь в «гнезде» и зевая.

— Не вернет, — подтвердила я.

Я чувствовала себя слегка виноватой за радостное предвкушение, покалывающее мою кожу. Спустя десять лет после ужасной смерти мой супруг действительно вернулся к жизни — эта чудесная тайна до сих пор была не полностью доступна моему пониманию. Всего несколько месяцев прошло со дня летнего солнцестояния, когда потерявший память принц-чародей вторгся в мою жизнь. И лишь считанные недели — с того мига, как я поняла, что это Кейрон каким-то чудом снова ожил в нем, а чародей Дассин подтвердил мои догадки. На исходе того дня, когда они оба прошли через пылающие Ворота Моста Д'Арната и исчезли, мой муж все еще не мог вспомнить ни свое прошлое, ни прошлое Д'Нателя, принца Авонара, в чьем теле он сейчас существовал. Но Дассин уверил меня, что восстановление памяти Кейрона — лишь вопрос времени, труда и чародейства. Он вернется. И узнает меня.

Вид уснувшей Филомены, дышащей ровно и глубоко, вернул меня к той томительной печали, которую не могло облегчить даже чудесное воскрешение Кейрона. Сын моей невестки был жив, а мой...

Велев Нэнси охранять опочивальню, я вышла в коридор и, стоя на верхних ступенях лестницы, заглянула в гулкий колодец надвратной башни. Пыльные струи света лились из высоких и узких окон. Эта башня была сравнительно новой по меркам комигорской истории, но в детстве нам с Томасом она казалась удивительной. Огромные черные и серые плиты, которыми был вымощен ее пол, представляли собой великолепную площадку для сотен игр. Нашей любимой забавой были шахматы, и мы постоянно заманивали и вовлекали слуг, гостей, собак и кошек в наши развлечения в качестве живых фигур. Когда свет падал справа, толстые, заключенные в свинцовые переплеты стекла высоких окон превращали солнечные лучи в радугу. Я сидела на верхней ступеньке и мысленно уносилась по

красным, синим и фиолетовым дорожкам далеко от малолюдной сельской глуши, где стоял наш дом.

В своих детских грезах я и представить не могла что-то, хотя бы отдаленно напоминающее странные пути моей жизни и тайны мироздания, оказавшегося намного бóльшим, чем меня учили. Удивительно уже само по себе то, что я вышла замуж за чародея, одного из тех, кого священники и народ Четырех королевств поносили как воплощение зла. Но несколько месяцев тому назад я узнала, что за пределами известного нам мира существует и другой, свергнутый в долгую и ужасную войну. Гондея — так называется мир волшебников, мир народа, к которому принадлежал и мой муж, хотя и он, и его предки, изгнанные в самое обделенное магией из королевств, позабыли об этом.

Погрузившись в воспоминания, я спустилась по лестнице. Внизу, примыкая к надвратной башне, располагалась моя любимая комната в замке — отцовская библиотека. Я коснулась медной ручки двери...

— Задержитесь-ка на секундочку, сударыня! — окликнул меня из-за спины резкий дрожащий голос — очень знакомый. — Позвольте спросить, кто вы такая и какое у вас дело в герцогской библиотеке, не говоря уже о том, с чего это вы эдак по-хозяйски распоряжаетесь прислугой в этом доме?

Я с улыбкой повернулась к собеседнице:

— Неллия, неужели ты забыла — я же всегда своевольничала!

Хотя пожилая женщина опиралась на трость, от изумления она чуть не рухнула навзничь.

— Сериана! Пусть ослепят и оглушат меня боги, если это не моя дорогая девочка... После такой долгой, такой трудной дороги... Ох, ну надо же...

Она принялась рыться в карманах. Я подхватила ее под руки и усадила на обитую кожей скамью.

— Я уж было начала сомневаться, что увижу здесь хоть одно знакомое лицо. Но если б я могла выбирать, конечно же, я предпочла бы встретить тебя. Сдается мне, что бы там ни было, а с домом по-прежнему все в порядке?

— Ох, дитя мое, как я рада вас видеть. Из всех, кого вы знали, действительно не осталось никого, кроме меня. Госпожа наша, — в это слово было вложено достаточно пренебрежения, чтобы мнение Неллии о жене Томаса сделалось очевидным, — большую часть своей прислуги из города привезла. Задумала всех нас выжить. Хорошо еще, его светлость, брат ваш, не позволил ей отослать ни меня, ни Джона Хэя, ни Бетс Суини, белошвейку. Но вы и сами видите, что дела здесь идут неважно. Новых служанок заботит только госпожа и ее добро, Джон Хэй умер два года назад, а Бетс отправили на пенсию, она живет у дочери в Грейстеве. Так что я здесь одна осталась. От меня немного пользы, но эти глаза еще не настолько плохи, чтобы не увидеть мою маленькую фею, так неожиданно вернувшуюся домой.

Она погладила меня по колену и вытерла глаза платком.

— Распорядиться, чтоб открыли вашу комнату? Я оставила там все как было, надеялась, что вы с братом когда-нибудь снова поладите. Мы никогда не верили в то, что о вас говорили. Столько гадостей нам наболтали, вот только я знала, что моя маленькая Сейри скорее проглотит жабу, чем сделает что-то дурное. Хозяин это не обсуждал, а хозяйка, она вообще ни о ком слова доброго не скажет. Так что и я, и Бетс, и Джон Хэй никогда не верили тому, что она о вас говорила...

Неллия остановилась перевести дыхание. Возможно, ожидая...

Рассказы, что она могла слышать обо мне, были, скорее всего, совершенно мерзкими: тюрьма, ересь, связи с чародейми и прочими приспешниками зла — преступления, которые стоили бы мне жизни, если бы мой брат не был другом детства короля и Защитником Лейрана.

Я приобняла Неллию за костлявые плечи:

— Забудь о том, что обо мне говорили. Все это просто ужасное недоразумение. Я очень ценю твою заботу о моих вещах, но не собираюсь здесь оставаться. Я приехала лишь затем, чтобы поговорить с Филоменой и ее сыном. Когда Томас погиб, я была с ним. В конце концов мы помирились.

Покрасневшие глаза Неллии наполнились слезами.

— Рада это слышать. Он всегда был гордым мальчиком и вырос таким же мужчиной. Гибкости так и не научился. Почти все и всегда бывало по его желанию, но покоя ему это не принесло. Видеть его столь высоко поднявшимся и столь жестоко истерзанным — это разбивало мне сердце, ведь я знала его с пеленок.

— Но его сын? Томас говорил о нем с такой любовью. Несомненно, мальчик сделал его счастливым.

Неллия нахмурилась и покачала головой.

— Так, значит, вы еще не виделись с молодым хозяином?

— Нет, я здесь только полчаса.

— Правильнее сказать, герцог — да запомнит святой Аннадис его имя! — гордился сыном и возлагал на него большие надежды. Но тот — непростой ребенок.

— Со мной и Томасом тоже было нелегко.

Старая женщина рассмеялась.

— Да уж, слово «легко» как-то не упоминалось в людской, когда речь заходила о ком-то из вас. Но этот ребенок... Сами увидите. — Она взглянула на меня, вопросительно подняв бровь. — Мне выяснить, где он сейчас?

— Думаю, будет благоразумнее, если нас представят в присутствии герцогини Филомены.

Мне не хотелось устанавливать никаких личных отношений с этим мальчиком.

— Проще от этого вряд ли станет. Он не из тех, кто сидит у мамочки на коленях... — Она запнулась и махнула рукой. — Что-то я заболталась. Должно быть, вы умираете

от голода и жажды? Принести вам поднос прямо в библиотеку?

— Это было бы великолепно. И, если не трудно, пошли кого-нибудь в комнату хозяйки и извести Нэнси, где меня можно найти. Я бы хотела знать, когда проснется герцогиня.

— Конечно, радость моя. — Неллия еще раз вытерла глаза, похлопала меня по руке и, прихрамывая, двинулась прочь.

Библиотека, принадлежавшая моему отцу, практически не изменилась с тех пор, как я ее последний раз видела: обивка кресел, темное дерево, высокие, до потолка, стеллажи, набитые книгами в кожаных переплетах и свертками рукописей.

В углу на дальней от камина стене висела карта Четырех королевств. Сам Лейран был раскрашен красным, подвластные ему королевства — каждое своим цветом: Валлеор — синим, Керотея — коричневым, а вечно мятежный Искеран — желтым. Все покрывало огромное количество пыли, везде царил дух запустения. Столы и конторки давно забыли, что такое масло или полировка, а медные светильники покрылись патиной. Отец оторвал бы голову нерадивому слуге за потрескавшиеся переплеты книг и измятые карты, попадись они ему на глаза.

Отец был прежде всего воином. Двадцать лет он с честью и умением сражался за своего короля, и зазубрин на его мече всегда было больше, чем у самых старых ветеранов его войска. Однако больше, чем битвами и славой, он наслаждался стратегией и тактикой, удивительным взаимодействием солдата и командира. Не склонный к наукам, он собрал целую библиотеку по истории и философии войны, с которой не могла соперничать даже университетская библиотека в Юриване. Еще он собирал карты всех известных земель и народов, от древних примитивных каракуль на шелке или пергаменте, готовых рассыпаться от

малейшего дуновения, до современных, тщательно вычерченных топографических планов, составленных военными картографами короля Геврона.

Но задолго до того, как меня и Томаса заинтересовали карты и книги, нас манило в библиотеку содержимое двух застекленных шкафов. Сокровище, хранимое в них, было неслыханным чудом, не встречающимся больше ни в одном из знакомых нам домов. Сотни миниатюрных солдатиков, выполненных в столь мелких подробностях, что можно было даже различить выражения их оловянных лиц и особенности обмундирования. Пехотинцы и кавалеристы, рыцари и знаменосцы, трубачи и генералы, герольды и короли были отлиты во всевозможных позах. И лошади: встающие на дыбы, скачущие, разворачивающиеся боевые кони и вьючные тяжеловозы, тянущие бочки воды величиной с большой палец или крошечные обозные фуры. Рядом с миниатюрной флотилией, ожидавшей приказов молодого адмирала, было сложено вооружение, достаточное для того, чтобы снарядить целую армию солдатиков в палец величиной.

Иногда мы находили крохотные войска расставленными на картах старинных сражений, чтобы воскресить былые дни крови и славы. Иногда они выстраивались на длинных полированных столах библиотеки — когда отец обдумывал новый план, чтобы разгромить врагов Лейрана. Но нам запрещено было прикасаться к солдатикам, когда ими пользовался отец, так что вершиной восторга оказывалось найти их в плену выложенных бархатом шкафов. Тогда мы освобождали оловянных воинов и придумывали собственные игры.

Солдатики стали первым, что я принялась искать в библиотеке. К моему удовольствию, шкафы стояли так же, как я застала их в последний раз, по обеим сторонам от тяжелых доспехов, принадлежавших моему деду. В одном шкафу покоилась армия солдатиков, облаченных в синее с серебром, в другом — в красное с золотом. Я открыла дверцу

и потянулась было за серебристым мечником и лошастью в синем чепраке, но оставила их, заметив серебряного короля. Его меч все еще вздымался в величественном жесте, а корона была погнута еще с тех времен, когда мы с Томасом постоянно дрались за него. Рядом с королем стоял его герольд, дующий в невидимый горн. Инструмент потерялся, когда Томас сел на солдата в столовой, пытаясь скрыть от отца ужасное преступление — похищение фигурки из библиотеки.

— Не смейте их трогать! — раздалось сзади.

Я удивленно обернулась, все еще держа в руке молчаливого трубача, и заметила чей-то силуэт в оконной нише. Его обладатель был полностью скрыт зелеными бархатными занавесями, только ботинки выглядывали наружу.

— От солдатиков нет проку, если они тихо стоят в шкафу. Они должны оказываться тут и там, защищая своего короля от врагов. Разве не так? Ни один солдат не прячется в лагере вечно.

— Не стоит говорить со мной, как с пятилетним.

— Я и не собиралась. Просто я думаю, что это позор — позволять таким прекрасным вещам, как эти солдатики, лежать без дела. Кто-то должен ими пользоваться, планируя военные кампании или хотя бы ради удовольствия поиграть с ними.

— Никто с ними не играет.

— Тем более жаль.

— Кто вы?

— Когда твоя мать проснется, нас представят друг другу как подобает.

— Одна из ее подруг. Я мог бы и сам догадаться. Пришли сюда что-нибудь у нас украсть?

— Не в моих привычках. Здесь что, по соседству была волна ограблений, если все обитатели замка подозревают прохожих в воровстве?

Я сдвинулась влево, пытаясь разглядеть мальчика в нише, но на светлом фоне окна он оставался лишь силуэтом.

— Зачем еще кому-то приезжать сюда?

— Скажем, навестить твою мать.

— Никому не нравится ее навещать. К тому же она теперь вдова. Не стоит того, чтобы поддерживать отношения.

— Тогда навестить тебя.

— Я не могу пока никого одарить милостями.

Сколько же лет этому ребенку?

— Тогда, может быть, полюбоваться этим чудесным домом и красивейшими землями севера?

— Никто...

— Никто не сочтет их чудесными или красивыми? Я не стану оспаривать твое мнение о матери и даже о тебе самом, но я готова дать отпор любой попытке принизить достоинства Комигорской крепости. Однажды ты примешь одно из колец Стражей и представишь, что значит быть прикованным к этому месту месяцами, до самого конца, когда жизни всех, кто тебе дорог, зависят от добросовестности твоей службы. Или же, прячась в потайной комнате северной башни, будешь наблюдать за переливами цвета холмов и неба и танцем молнии на крыше в летнюю грозу... Впрочем, ты и сам найдешь эти чудеса, когда захочешь. А пока я оставлю тебя наедине с твоими заботами. Прошу прощения, что побеспокоила.

Не дожидаясь ответа, я вышла из библиотеки, едва успев избежать столкновения с молоденьким лакеем, который нес поднос, уставленный горшочками с джемом, маслом и пышущим жаром овсяным печеньем.

— Я передумала, — сказала я ему. — Я буду в музыкальной гостиной. Оставьте дверь открытой, если не трудно, чтоб я могла увидеть, если кто-нибудь станет искать меня в библиотеке.

Лакей поставил поднос на низенький столик, и я села так, чтобы наблюдать за коридором. Через несколько се-

кунд я заметила тонкое лицо, выглядывающее из резных двустворчатых дверей библиотеки. Томас говорил, что его сын похож на нас. Бесспорно, он был прав. Мальчик выглядел точь-в-точь как его отец в детстве или же как выглядела бы я в возрасте десяти-одиннадцати лет, не родись я девочкой. Глубокие карие глаза, слишком большие для незрелого лица, долговязое костлявое тело, уже начинающее вытягиваться. Копна волос, в точности таких же, как у меня, — темно-каштановых с рыжиной — обрамляла лицо. Горькая обида на жестокую насмешку судьбы на мгновение сжала мое сердце. Мой собственный сын мог выглядеть точно так же, как и этот мальчик.

Мальчик окинул взглядом коридор и, похоже, был разочарован тем, что никого не нашел. Он швырнул что-то на пол, взбежал вверх по лестнице и скрылся из виду. Странный ребенок. Такой злой...

Я восстанавливала душевное равновесие, поглощая овсяное печенье Нелли до тех пор, пока, спустя полчаса, одна из горничных не подбежала торопливо к дверям библиотеки. Я вскочила:

— Ты не меня ищешь?

— Да, сударыня. Госпожа уже проснулась. Нэнси послала меня в библиотеку найти вас.

— Хорошо. Передай, что я иду.

Девушка поспешила прочь, а я чуть менее торопливо последовала за ней. Пройдя полпути по черно-серым плитам, я увидела что-то на полу и наклонилась, чтобы поднять это. находка оказалась серебряным королем. Его корона стала теперь совершенно кривой, а могучий клинок был вывернут так, что король не смог бы поразить больше ни одного врага — только самого себя.

ГЛАВА 2

Когда я вошла в комнату герцогини, Филомена опять вопила, правда, уже не от боли или страха смерти. Обличительные слова, словно палочные удары, сыпались на сутулого, скромно одетого человека средних лет.

— Что значит — нет денег заплатить виноторговцу? Похоже, все серебро оседает в ваших карманах. Я велю вас повесить!

— Но, госпожа...

— Комигор — самое богатое поместье Четырех королевств, и вам платят непомерные деньги за то, чтобы вы им управляли. Может, если мы прекратим тратиться на ваше жалованье, вы изыщите необходимые средства?

— Если позволите, госпожа, расходы поместья за прошлый год... были огромны... Новая мебель, ювелир, портные... А сейчас кровля над западным крылом замка протекает, кузней невозможно пользоваться после пожара, а мы даже не можем нанять рабочих...

— Да как вы смеете меня обвинять? Мой муж ни в чем мне не отказывал, а управляющий осмеливается говорить «нет денег»! Полагаю, вы скоро заставите меня ходить в рубище. Почему я должна страдать?

— Но, сударыня, арендная плата не взималась уже восемь месяцев! — Управляющий промокнул лоб широким платком.

— Так получите ее, глупец. Мне что, нужно водить вас за ручку?

— Герцог Томас — да запомнит святой Аннадис его имя! — оставил указания на начало года, чтобы госпожа лично проследила за сбором ренты, поскольку сам он в назначенный день вынужден будет отсутствовать. Хозяева Комигора блюли соглашение с арендаторами более пяти-сот лет. Только сам хозяин или члены его семьи имеют право взимать плату. Арендаторам не позволено передавать деньги кому-либо другому.

Вымученное терпение, звучащее в голосе управляющего, наводило на мысль, что этот спор повторяется уже не в первый раз.

— Вы невыносимый зануда. Разумеется, это не я сама решила гнить в этой дыре, пока мой муж разъезжает по всем Четырем королевствам, но он никогда не обсуждал со мной подобные вопросы. «Ради наследства Герики, — говорил он. — Чтoб не дать стервятникам Монтевиалья и повода облизнуться». Как будто я ничего не знаю ни о наследстве, ни о претензиях. В конце концов, он больше не может мне этим докучать. Здесь теперь новый хозяин, пусть он и слушает меня еще меньше, чем его отец.

Расписной веер, трепыхавшийся в руках Филомены, словно вымпел во время бури, замер, и ее розовое личико вдруг вдохновенно озарилось.

— Конечно же! Это может сделать мой сын! Он теперь владелец замка. Я велю ему собрать эту проклятую плату.

Измученный управляющий терпеливо ответил:

— До своего совершеннолетия юный герцог не может взимать ренту, ваша светлость. Он слишком молод, чтобы работать с документами, и, следовательно, не может выполнить условия соглашения.

Филомена откупила подхваченный с туалетного столика маленький серебряный пузырек, глубоко вдохнула и на миг прикрыла глаза. Затем жестом подозвала одну из служанок.

— Даже если бы я могла встать с постели, я не стала бы проводить целый нудный день, кивая и улыбаясь грязным крестьянам. Мне безразличны их гадкие дети, коровы и пшеница. Найдите другой способ раздобыть деньги. Пошлите солдат, возьмите заложников — мне все равно.

— Сударыня, я прошу вас... Подобное бесчестье...

Управляющий едва не плакал, но Филомена отвернулась к зеркалу в серебряной оправе, которое подала ей служанка. Девушка начала расчесывать ее золотистые волосы, и все внимание хозяйки дома мгновенно оказалось поглощено этим. Управляющий задержался было еще на несколько минут, но, когда Филомена принялась давать указания, как укладывать косы, поклонился и тихо вышел из комнаты.

Я прекрасно знала, что такое Комигорское соглашение. Сколько раз меня заставляли надеть самое строгое и неудобное платье, сесть рядом с матерью и Томасом и бесконечно скучать, пока отец собирает ренту. Церемония разыгрывалась, как тщательно отрепетированный танец. В первый день года — День соглашения — очередь арендаторов вытягивалась через весь главный зал, пересекала внутренний двор замка и продолжалась далеко за воротами. Один за другим они выступали вперед, и отец любезно приглашал очередного посетителя присесть с ним за небольшой столик, предлагая ему бокал вина, стоящий перед ним. Арендатор неизменно отказывался от угощения и вежливо интересовался здоровьем герцогской семьи. Мы всегда оказывались «совершенно здоровы», даже когда моя мать так ослабела от последней болезни, что вечером вверх по лестнице ее пришлось нести.

Затем мой отец спрашивал про здоровье жены и родителей арендатора, как растут дети — и каждого он называл по имени, спрашивал, не нужны ли ему новые инструменты или коза. После подобающего разговора человек вставал, кланялся и, словно только что вспомнив, предлагал хозяи-

ну деньги. Мой отец желал арендатору доброго урожая и обращался к следующему. Танец начинался заново.

Когда мы с Томасом, устав, начинали обсуждать между собой несчастья, которые постигнут мир, если один из крестьян в самом деле выпьет вино, наша мать шептала, что мы ведем себя неуважительно. Долгие годы я считала, что она имела в виду «неуважительно по отношению к отцу». И это ужасное предположение немедленно вынуждало меня исправиться.

И только позже я поняла: наше поведение было неуважительным по отношению к арендаторам, которые кормили, одевали нас, позволяли нам существовать в комфорте за то, что они пользовались землями Комигора и защитой герцога.

Когда отец бывал в походе, за маленьким столиком располагалась мать, а мы с Томасом сидели рядом. Томас чувствовал себя неловко в первые годы после того, как вошел в возраст, когда мама умерла, а убитый горем отец бывал слишком пьян, чтобы исполнять свои обязанности. Однако со временем брат возмужал. До изгнания из Комигора я всегда сидела рядом с ним. Изменить ритуал казалось невымыслимым.

Я вошла в покои невестки в некотором смятении чувств.

— Ты хорошо отдохнула, Филомена?

Тетка герцогини сердито укрылась за дальним углом кровати, наполовину спрятанная занавесями. Внимание герцогини было по-прежнему приковано к зеркалу.

— Не знаю, что на меня нашло нынче утром, Сериана, — сообщила она, поправляя прядь. — Мне следовало просить тебя немедленно уехать. Мой муж не желал видеть тебя здесь, и я тоже не желаю. Это ты утверждаешь, что он сам прислал тебя сюда.

— Можешь верить этому или нет, но твой сын имеет право знать, как погиб его отец, а больше никому ему об этом рассказать.

— Насколько мне известно, ты вполне могла сама убить Томаса, — заявила Филомена скорее в раздражении, нежели обвиняя. — Ты была замужем за чародеем и якшалась с предателями. Мой муж поймал тебя на этом и воззвал к правосудию. Вероятно, ты явилась сюда за отмщением.

— Говорю тебе, я не виню ни тебя, ни Герика. Томас никогда не узнает о моей мести, так что она не имеет цели. И ничто не вернет мне сына.

Я достала из кармана маленький мешочек серого шелка и положила на постель перед Филоменой.

— Я привезла это тебе. Ничего опасного.

Я улыбнулась пожилой даме, которая попятилась от кровати с таким видом, как будто в мешочке могла прятаться змея. Филомена вытащила из него прядь каштановых с рыжиной волос Томаса, перехваченных зеленой шелковой нитью, и задумчиво обернула ее вокруг пальцев.

— Давай заключим мир, — предложила я ей. — Даже если больше нет причин — так хотя бы ради того, что твой сын — герцог Комигорский. Я привезла ему перстень с печатью Комигора. У меня нет ребенка, который стал бы ему соперником, да и я ему не соперница. Это дом моего отца и тридцати поколений его предков. Я не хотела бы видеть его разрушенным бессмысленной мезтью.

— Думаю, что Томаса больше всего возмущало именно это, — произнесла Филомена. — Что ты творила свои злодеяния, рискуя превратить в руины эту ветхую грудку камней. И мне этого никогда не понять.

У меня не было веских доказательств того, что Томас находился под властью зидов — древних врагов народа Кейрона, из магического мира за Мостом Д'Арната. Но я была готова жизнью в этом поклясться.

— Если бы Томасу позволили думать самому, он бы знал, что я никогда без нужды не пошла бы на такой риск. Он мог бы попытаться понять, что я говорила ему о своем муже и его народе. Как бы то ни было, думаю, он в конце концов поверил мне. Так ты позовешь сына?

Филомена бросила прядь волос на покрывало и взяла зеркало. Сперва она протерла его кружевным платком, а затем, кокетливо надув губки, принялась рассматривать свое прелестное личико.

— Он может не прийти. Герик был намного более милым в детстве, когда по вечерам кормилица приносила его к нам на часок. Мы с ним играли, а потом отсылали спать. А теперь он говорит такие гадкие вещи, когда злится, а злится он часто и безо всяких причин.

Филомена поджала губки, пощипала себя за щеки, разгладила кожу над бровями, но все-таки послала одну из горничных найти юного герцога и передать, что мама настоятельно просит его навестить ее.

Пока мы ждали, герцогиня продолжала заниматься собой, а я подошла к окну, раздумывая, как бы начать разговор о ренте. Управление Филоменой оказалось целой наукой, и я радовалась, что мне не придется иметь с ней дело дольше одного дня.

За окном, обрамленным тяжелыми занавесями, открывался успокаивающий своей красотой простор. К югу от Комигора простирались пшеничные поля; золотой океан, плещущийся у каменных стен, тянулся далеко, насколько хватало глаз.

Тут я услышала шипящий звук. Взгляд, брошенный через плечо, подтвердил, что источником его была тетушка Филомены, которая что-то настойчиво нашептывала на ухо герцогине. Та отвечала ей не столь тихо:

— Да никакая она не ведьма. Она просто вышла замуж за чародея...

Почувствовав на себе мой взгляд, старуха побледнела и отступила от кровати.

Удивительно, как много людей верят, что брак с чародеем должен наделить женщину собственными магическими силами. Часто я мечтала о том, чтобы это оказалось правдой.

— ...да и тот давным-давно мертв.

Прошло еще некоторое время. Филомена слегка постукивала по зубам уголком серебряного зеркальца. Внезапно она нарушила тишину:

— Думаю, тебе следует отдать перстень мне.

Я сидела на узком подоконнике, откуда одновременно могла наслаждаться видом из окна и приглядывать за спальней.

— Я отдам его только законному владельцу.

— Какая тебе разница, кто его у тебя заберет? Герик еще слишком юн, чтобы носить его, и я могу забрать у него перстень сразу, как только ты уедешь.

— Если я отдам кольцо Герiku, а ты его заберешь, он будет знать — у кого кольцо есть, а у кого нет. И не будет никакого недопонимания.

Я доверяла Филомене лишь до тех пор, пока не теряла ее из виду.

Герцогиня все еще дулась, когда мальчик вошел в комнату.

— Герик, дорогой мой! Ты пришел порадовать свою бедную мамочку?

Филомена не ждала ответа, а мальчик, по-видимому, не собирался его давать. Впрочем, не думаю, что его ответ пришелся бы матери по вкусу. Выражение его лица было высокомерным и отчужденным, и мне казалось, что он старательно избегал смотреть в мою сторону. Хотя я стояла прямо напротив дверей в спальню, он сразу направился к постели матери и позволил ей потрепать себя по щеке.

— Герик, эта женщина привезла то, что принадлежит тебе. Она настаивает на том, чтобы отдать это тебе в руки, как будто бы у нее есть на это право. Но мама должна хранить это для тебя, пока ты не подрастешь.

Мальчик повернулся ко мне и вежливо поклонился. Его глаза не выражали никаких чувств, в них не было даже любопытства. Я ждала, когда Филомена представит нас